

ВОЛОГОДСКІЯ КРУЖЕВНИЦЫ.

I.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ полиціями въ вологодскій статистическій комитетъ, въ городахъ Вологодской губерніи считалось въ 1862 г. ремесленниковъ 2,164; въ томъ числѣ: мастеровъ 1,146, рабочихъ 611 и учениковъ 107.

По роду занятій это были: хлѣбники, мясники, булочники, кондитеры, колбасники, пряничники, портные, сапожники, модистки, шляпники, башмачники, скорняки, печники, столяры, мѣдники, шорники, каретники, кузнецы, трубочисты, плотники и т. п.

Я прерываю этотъ списокъ, вообще очень длинный, чтобы не утомлять вниманія читателя. Но еслибы читатель захотѣлъ провѣрить мои слова и обратилъ бы свое благосклонное вниманіе на 109 и 110 стр. Памятной книжки Вологодской губерніи на 1864 годъ, то онъ удостовѣрился бы, что на этихъ двухъ страницахъ перечислены рѣшительно всѣ ремесла, кромѣ кружевного.

Или кружевное занятіе такъ ничтожно, что о немъ не стоитъ и упоминать? Но въ губерніи всего на-все 3 колбасника, 5 шляпниковъ, 6 каретниковъ, 2 позолотчика, однако они въ списокѣ помѣщены. Или кружевное дѣло вовсе не ремесло? Въ такомъ случаѣ, что же оно такое?

Я нисколько не ошибусь, если скажу, что кружевничество дѣйствительно не ремесло; оно состояніе. Конечно, это не оправдываетъ невниманія вологодскихъ статистиковъ къ своимъ кружевницамъ, невниманія тѣмъ болѣе неизвинительнаго, что кружевницы составляютъ въ Вологдѣ совсѣмъ особый слой населенія бѣдствующаго, голодающаго и унижаемаго, занимающаго подвальные этажи.

Только нужда, да и нужда неисходная, дѣлаетъ женщину кружевницей; а читатель знаетъ и безъ меня, что значитъ быть бѣднымъ и какъ русскій человѣкъ любитъ помолиться надъ тѣмъ, кого онъ благодѣтельствуешь.

Къ русскому обществу, особенно такихъ медвѣжьихъ угловъ, какъ нашъ сѣверо-востокъ, примѣняются лучше всего слова Вольтера; когда кто-то сказалъ ему: «бѣдность не порокъ», Вольтеръ отвѣтилъ: «хуже». И дѣйствительно бѣдность хуже порока, потому что каждый богатый дуракъ можетъ надъ нею ломаться.

Въ Вологдѣ кружевничество, если и не считается презрѣннымъ трудомъ, то и никто не глядитъ на него, какъ на занятіе почетное. «Вы чѣмъ занимаетесь?» спрашиваетъ бѣдно одѣтую дѣвушку хорошо одѣтая барыня. «Плету кружева», отвѣчаетъ бѣдно одѣтая дѣвушка. «А, плетете кружева!» И на лицѣ хорошо одѣтой барыни является выраженіе сожалѣнія и губы ея складываются трубочкой.

А между тѣмъ, у той же самой барыни губы остались бы въ нормальномъ положеніи, еслибы бѣдно одѣтая дѣвушка отвѣтила ей, что она башмачница, модистка, или какая-нибудь другая цеховая ремесленница.

Происходитъ это оттого, что въ томъ или другомъ случаѣ является разная ассоціація идей; являются иные представленія, можетъ быть даже и несознаваемые хорошо одѣтой барыней.

Со словомъ башмачница рисуются въ воображеніи барыни башмаки, ботинки; со словомъ модистка — платья и шляпки; можетъ быть смутно мелькаетъ мысль о несовѣстѣ строгомъ образѣ жизни дѣвушки и только.

Но съ словомъ кружевница, кружева отступаютъ на второй планъ, ихъ вытѣсняетъ представленіе о бѣдности — и больше ни о чемъ. Башмачницы, модистки могутъ быть если не богаты, то обезпечены; онѣ могутъ жить въ довольствѣ, наслаждаясь на досугѣ любовью. Но кружевница всегда бѣдна и любовью не занимается.

Кружевницы — это дочери бѣдныхъ, преимущественно отставныхъ чиновниковъ, нуждающихся дьячковъ, пономарей, голодающихъ мѣщанъ. Онѣ живутъ въ своихъ семействахъ — съ родителями, братьями, и заполняютъ своимъ трудомъ тѣ прорѣхи домашнего хозяйства, невыполненіе которыхъ создаетъ бѣдность, пограничную съ нищетой.

Бываютъ случаи, когда кружевничество служитъ единственнымъ средствомъ существованія; когда мать и дочь своей работой поддерживаютъ всю семью и больнаго отца, отставнаго чиновника, и малолѣтнихъ дѣтей; когда сестра содержитъ своихъ братьевъ, учащихся въ гимназій или въ училищѣ; бываетъ и такъ, что дочери добываютъ кружевами не только на хлѣбъ и на квартиру, но и на водку своему вѣчно пьяному отцу. Такое кружевничество несчастіе; это гордое нищенство, непросящее милостыни.

Семейства, въ которыхъ занимаются плетеніемъ кружевъ, всегда самыя бѣдныя; особенно если кружевничество служитъ единственнымъ источникомъ существованія. Оно даетъ ровно столько, что можно жить не ходя по міру; но не столько, чтобы при безталантиности можно было обходиться безъ припришиванія. Это-то припришиваніе и бросаетъ на кружевницъ невыгодную тѣнь. Припришиваютъ не всѣ — можетъ быть наиболѣе бѣдныя и недостаточно гордыя, чтобы не пользоваться чужими милостями; но на всѣхъ кружевницъ

падасть оттѣнокъ нищенства и со словомъ кружевница является понятіе о безпомощности, возбуждающей сожалѣніе и нуждающейся въ подаяніи.

Вотъ причина, что кружевницы не пускаются дальше передней и между богатыми барынями есть даже такія, которыя наслаждаются ихъ униженіемъ и подобострастіемъ.

Я согласенъ съ тѣмъ, что припирашваніе есть недостатокъ чувства собственного достоинства; но впервыхъ я не понимаю, почему слѣдуетъ оскорблять даже того, въ комъ мало этого чувства. а вовторыхъ — и тѣмъ болѣе—за что оскорблять тѣхъ, кто заявляетъ свое право на уваженіе. Я могъ бы привести и факты въ подтвержденіе своихъ словъ, но не желаю, чтобы ихъ сочли за личности.

Факты эти не имѣютъ конечно міровой важности; но въ мірѣ вологодскихъ кружевницъ они важны, ибо уясняютъ отношенія заказницъ къ работницамъ. Ты бѣдный человѣкъ, и потому ты долженъ передо мной стоять, а я передъ тобой могу сидѣть; ты курить при мнѣ не смѣешь, а я курить при тебѣ могу.

Дѣйствительно между кружевницами, преимущественно изъ мѣщанокъ, есть такія, которыя тщеславятся передъ своими собратьями, когда какая-нибудь барыня пригласитъ ее сѣсть, а тѣмъ болѣе предложить ей чашку чая. Честь, безъ сомнѣнія, очень большая. Есть между кружевницами и такія, которыя, продавъ кружева, припирашиваютъ въ придачу какое-нибудь старье, или даже что-нибудь съѣстное. Но въ то же время не менѣе справедливо и то, что кромѣ попрошайекъ есть между кружевницами женщины очень умныя и даже начитанныя, владѣющія обѣдшимъ чувствомъ достоинства, чѣмъ тѣ, кто ихъ жалеетъ держать въ своихъ переднихъ.

Причина этого смѣшенія крайностей заключается въ томъ, что кружевничество есть явленіе аналогичное съ европейскимъ пролетаріатомъ. Четвертое сословіе Европы оттянуло къ себѣ соки изъ всѣхъ слоевъ общества; въ рядахъ пролетаріата вы найдете и разорившагося графа и одинокаго поденщика. Тоже самое и въ кружевничествѣ. Плетеніе кружевъ есть якорь спасенія для бѣдной безпомощной женщины, для всякой семьи, постигнутой внезапной бѣдностію. Отъ этого плететь кружева и мѣщанка, и пономаревна, и дьячиха, и дочь чиновника, и вдова чиновника, и обѣдѣвшая помѣщица. Всякая нуждающаяся женщина, къ какому бы слою она не принадлежала и какимъ бы ни владѣла образованіемъ, можетъ сдѣлаться кружевницей. Такимъ образомъ, кружевничество есть виѣшній признакъ извѣстнаго экономического состоянія, есть особый видъ бѣдности, особый видъ общественного положенія. Въ этомъ и причина, что люди съ сословными предразсудками и обезнеченные, при словѣ кружевница, проникаются внезапно чувствомъ самодовольства, и придаютъ своему лицу и всей фигурѣ видъ высокомерія. Это своего рода кокетство; красавица смотритъ всегда съ сожалѣніемъ на свою безобразную подругу и также смотритъ богатая барыня на бѣдную кружевницу.

II.

Когда явилось кружевное дѣло въ Вологодской губерніи, я этого не знаю; но что оно было вызвано барствомъ — это совершенно вѣрно.

Въ старину плетениемъ кружевъ занимались въ купеческихъ домахъ, ввидѣ домашняго рукодѣлья и только на потребности семьи. Но когда вкусъ къ кружевамъ распространился въ средѣ избраннаго общества и сталъ усиливаться на нихъ запросъ, плетеніе кружевъ приняло промышленный характеръ. Бѣдные люди нашли, что дѣло это для нихъ выгодно и число кружевницъ, увеличиваясь каждый годъ, дошло дотого, что въ настоящее время кружева плетутъ почти вся Вологда, или точнѣе, все населеніе вологодскихъ чердаковъ и подваловъ или первыхъ этажей. Только дворянство да купечество не занимаются плетениемъ кружевъ, и кружевницъ вы не найдете на *дворянской* улицѣ; а затѣмъ онѣ почти во всякомъ домѣ.

Есть семьи, въ которыхъ плетениемъ кружевъ занимаются круглый годъ и кружевничество составляетъ ихъ спеціальность. Это преимущественно вдовы или семейства отставныхъ чиновниковъ, неимѣющія своихъ домовъ и земли. Другія семейства — духовнаго званія или мѣщанскіе, занимаются лѣтомъ обработкой своихъ огородовъ, а кружева плетутъ зимой. У послѣднихъ плетеніе кружевъ является подспорьемъ, и вырученныя деньги идутъ на туалеты прекрасному полу и частію на поддержку домашняго хозяйства.

Какъ въ другихъ мѣстахъ каждую дѣвочку учать шить по канвѣ, вышивать гладью или тамбуромъ, такъ въ Вологдѣ обязательнымъ рукодѣльемъ является плетеніе кружевъ. Дѣвочку вить лѣтъ сажаютъ уже за коклюшки и начинаютъ готовить изъ нея будущую кружевницу. Даже люди вполне обезпеченные учать своихъ дѣтей плести кружево; конечно, это дѣлается не для того, чтобы дать имъ возможность добывать своимъ трудомъ кусокъ хлѣба, а больше ввидѣ празднаго занятія; но какъ съ другой стороны никто не можетъ знать, какаѣ судьба постигнетъ будущую барышню, то и выходитъ, что нѣтъ худа безъ добра.

Для женщинъ, живущихъ своимъ трудомъ, плетеніе кружевъ является самымъ выгоднымъ занятіемъ. Можно жить, правда, и вязаніемъ чулокъ, шарфовъ, шитьемъ бѣлья; но эти рукодѣлья далеко не представляютъ тѣхъ выгодъ, какія представляетъ плетеніе кружевъ. Ни чулки, ни шарфы не имѣютъ такого сбыта. Свяжи пару чулокъ или шарфъ, да и ходи съ ними по городу, изъ дома въ домъ. Кружева не то. Недостаетъ въ семьѣ соли или хлѣба и тотчасъ же несутъ кусокъ кружевъ къ скупщицѣ, и та немедленно выплачиваетъ деньги. Были бы только готовые кружева, а въ сбытъ ихъ не встрѣчается никогда остановки, благодаря тому, что матушка Россія обширна и во всѣхъ концахъ ея живутъ барышни, которымъ необходимы кружевные рукавички, воротнички, пелеринки, вуали и т. д.

Это обстоятельство дѣлаетъ плетеніе кружевъ занятіемъ прочнымъ и даетъ ему перевѣсъ передъ всѣми остальными видами женскаго труда. Конечно,

нельзя сказать, чтобы для вологодских кружевниц не существовало никаких опасностей. Съ вологодской работой конкурируют кружева орловскія, отличающіяся большимъ изяществомъ рисунка и исполненія. Но съ другой стороны вологодскія кружева славятся большею прочностію. Несмотря однако на это, еслибы Орлу вздумалось повести въ Петербургъ кружевъ въ подавляющемъ количествѣ, то вологодская прочность не помогла бы, и вологодскія кружева пришлось бы продавать за безцѣнокъ. Къ счастью для вологодскихъ кружевницъ этого не бываетъ. Другимъ зловреднымъ обстоятельствомъ, впрочемъ исключительнаго свойства, является война. Такъ въ крымскую войну значительно унаглъ спросъ на вологодскія кружева. Какія причины вызвали это уменьшеніе спроса, я объяснить не берусь; но если значительныя и вообще богатые барыни, отказавшись украшать себя кружевами, думали этимъ сдѣлать сокращеніе въ русскихъ военныхъ расходахъ или досадить англичанамъ и французамъ, то онѣ далеко не достигли своей цѣли; — ихъ воздержаніе отразилось только на желудкахъ бѣдныхъ вологодскихъ кружевницъ и больше ни на комъ; слѣдовательно патріотическое побужденіе привело къ результату вовсе не патріотическому.

Изъ того, что я говорилъ о выгодахъ кружевного производства предъ остальными видами женскаго труда, пусть читатель не составляетъ преувеличеннаго понятія о выгодахъ плетенія кружевъ. Повторяю еще разъ, что кружева даютъ ровно столько, что кружевницы не ходятъ по міру. Изъ этого читатель составитъ уже и самъ заключеніе о томъ, какъ должно быть выгодно вязаніе чулокъ и шарфовъ. Но слѣдующія цифры покажутъ нагляднѣе размѣръ выгоды плетенія кружевъ.

Въ кружевномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, величина заработка зависитъ отъ прилежанія работницы и качества работы. Такъ, напримѣръ, есть узенькія кружева, въ палецъ шириною, которыя продаются по 15 до 20 к. за десять аршинъ, даже и дешевле; но есть кружева того же самаго рисунка и размѣра, которыхъ нельзя купить дешевле 1 руб. за тотъ же десятокъ. Первые дешевы потому, что ихъ плетутъ дѣти, слѣдовательно грязно и неровно; вторыя же плететъ отличная мастерица съ математической точностью и съ безукоризненной чистотой. Первые могутъ быть дешевы, какъ ученическая работа, какъ трудъ производителя, живущаго на чужомъ хлѣбѣ; вторыя должны быть дороже, потому что работница живетъ исключительно своимъ трудомъ.

Несмотря на эту разницу въ цѣнѣ, работа высшаго качества окупается вовсе не соотвѣтственно этой разницѣ. Одна и та же работница, работая кое-какъ, можетъ снестись въ день дурнаго сорта кружевъ 3 аршина и, слѣдовательно, заработать около 5 коп.; а при тщательной работѣ она наплететъ хорошихъ кружевъ только $1\frac{1}{4}$ аршина или заработаетъ $12\frac{1}{2}$ копеекъ, слѣдовательно качество работы возвышаетъ цѣну издѣлія въ пять разъ; а заработокъ возвышается только въ два съ половиною раза. Очевидно, что практика установила отношеніе невѣрное, или, иначе, что хорошо сдѣланное кружево продается дешевле, чѣмъ бы слѣдовало, благодаря только тому об-

стоятельству, что цѣна устанавливается минимумами потребностей и конкуренціею голодающихъ работницъ.

Заработывая только $12\frac{1}{2}$ к. въ день, существовать невозможно. Кружевницы знаютъ это очень хорошо и все-таки онѣ понизили цѣну. А понизили онѣ цѣну потому, что число кружевницъ не уменьшается, а увеличивается, т. е. увеличивается число нуждающихся людей въ болѣе пропорціи, чѣмъ запросъ на ихъ трудъ.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи пришлось искать спасенія снова въ качествѣ работы, т. е. всѣхъ тѣхъ, у кого нѣтъ никакого другаго подспорья и приходится жить исключительно кружевной работой, нужда заставила приняться за плетеніе крупныхъ и изящныхъ вещей, какъ тальмы, вуали, накладки, чепцы, широкихъ кружевъ.

Для изготовленія такихъ вещей требуется извѣстная степень умственнаго развитія и довольно высокая степень искусства. А какъ то и другое дается въ удѣлъ не всѣмъ, то слѣдовательно и высшій заработокъ достается только нѣкоторымъ.

Какъ же великъ этотъ высшій заработокъ и какъ легко онъ достается?

Первой здѣшней кружевницѣ было заказано недавно сплести *пол-аршинна* кружево въ вершокъ шириной; кружево было тонкое, вродѣ брюссельскаго. Работая по *два* часа въ день, кружевница сплела $\frac{1}{2}$ аршина только въ *два* недѣли, и за эту работу получила 1 рубль. Читатель, конечно, можетъ сдѣлать кружевницѣ упрекъ въ лѣности. Еще бы не голодать, когда работаетъ всего два часа въ день! Справедливо. Но дѣло въ томъ, что мелкое кружево невозможно сплести долго, глаза утомляются до слезъ; вѣдь барыня, заказавшая роскошное кружево, конечно не обезнечитъ кружевницу на всю жизнь, если она лишится на немъ зрѣнія. Изъ этого примѣра читатель можетъ усмотрѣть, что кружево для оторочки батистоваго платка, только одного платка, можетъ быть сплетено не менѣе, какъ въ 3—4 мѣсяца; а для оторочки дюжины платковъ одна кружевница должна проработать отъ 3 — 4 лѣтъ.

Я не хочу сказать этимъ, что трудиться 3 — 4 года такъ ужасно; люди обыкновенно трудятся весь свой вѣкъ и безъ труда жить невозможно; но я хочу сказать то, что предметъ такой пустой роскоши, какъ кружево на носовомъ платкѣ, достается сытымъ и счастливымъ барышнямъ слишкомъ дешево.

Изъ всего этого однако не слѣдуетъ, что работая брюссельское кружево только два часа въ день, кружевница остальное время сидитъ праздно. Кружевница праздною быть не можетъ, ибо каждая даромъ пропавшая минута отзывается лишеніемъ въ какой-нибудь настоятельной необходимости. Вологодскія кружевницы рассчитываютъ свое время лучше англчанъ, и если у насъ въ литературѣ высказывалась мысль о томъ, что русскій человѣкъ не понимаетъ цѣны времени, то упрекъ этотъ уже никакъ не можетъ падать на вологодскихъ кружевницъ. Вологодскія кружевницы достойны самаго глубокаго уваженія; это не тотъ сортъ женщинъ, съ высшими стремленіями,

которые возносятся постоянно своими мечтами къ чему-то очень отдаленному и хотя прекрасному, но тѣмъ менѣе неясному и смутному, которыя, въ своей дѣтской невинности, просятъ научить ихъ, что дѣлать и въ ожиданіи, что такіе наставники къ нимъ явятся, сидятъ съ сложенными руками и занимаются праздными разговорами; вологодскія кружевницы—женщины много закала; это активныя, практическія существа, не занимающіяся никакими утѣшительными мечтами и вздорами, расслабляющими нервы; онѣ честныя труженицы, содержащія своихъ старыхъ, а подъ часть и пьяныхъ отцовъ, воспитывающія своихъ братьевъ и сестеръ, онѣ дѣвушки скромныя и строгой нравственности, не желающія жить на счетъ своихъ отцовъ и братьевъ. Онѣ уважаютъ трудъ и хотятъ жить своимъ трудомъ. Случай, который я здѣсь приведу, разумѣется, не можетъ служить общимъ правиломъ; но онъ все-таки фактъ, заслуживающій вниманія. Одной 13-ти лѣтней дѣвочки, будущей кружевницы, крестный дядя подарилъ на лакомство 20 коп. Дѣвочка такъ этимъ обидѣлась, что проплакала нѣлый день. «Я сама могу выплести на 20 к. не хуже его денегъ, я сама наработаю себѣ и на лакомство, и на платье», повторяла она нѣсколько разъ. Люди, которые дѣтьми умѣютъ уже такъ обижаться, создадутъ поколѣніе не расслабленныхъ, праздныхъ голубицъ или попрошайекъ; а поколѣніе гордое, нравственно-здоровое, энергичное и трудолюбивое.

Впрочемъ, если теперешнія кружевницы не все такъ горды, зато все безъ исключенія прилежны, какъ муравьи, и все рассчитываютъ всякую минуту. Кружевницы работаютъ обыкновенно отъ 8 часовъ утра до 12 часовъ ночи, или 16 часовъ въ день. Филантропы огорчаются, если на фабрикахъ заставляютъ работать болѣе 10 часовъ. Повсюду, во всехъ цивилизованныхъ странахъ принимаются мѣры, чтобы не обременить слишкомъ работой ни взрослыхъ, ни дѣтей, и мѣры филантроповъ имѣютъ полный успѣхъ, ибо приходится бороться съ открытымъ врагомъ—съ фабрикантами, которымъ можно приказать сократить число рабочихъ часовъ. Но врагъ кружевницъ, швей, врагъ, заставляющій ихъ просиживать по 16, а иногда даже по 20 часовъ въ день, врагъ скрытый; ему нельзя ничего приказать административнымъ порядкомъ, потому что этотъ врагъ бѣдность, противъ котораго безсплыны филантропическія мѣры. Кружевница должна сидѣть такъ долго, ибо иначе ей грозитъ голодная смерть. Даже и при усидчивомъ трудѣ она едва добываетъ себѣ средства существованія; возможно ли же для нея сокращеніе рабочаго времени?

Работница средней руки можетъ заработать въ день копѣекъ 20. Заработокъ въ 25 или 30 к. считается уже большимъ, а въ 40 или 45 коп.—случайная рѣдкость, о которой кружевницы говорятъ съ гордостью и съ весьма извинительнымъ чувствомъ тщеславія, желая выставить въ выгодномъ свѣтѣ свое занятіе. Впрочемъ послѣднему показанію довѣрять не слѣдуетъ; оно всегда подсказываетъ хвастливостію и дѣлается людямъ, незнакомымъ съ кружевнымъ дѣломъ. Если обратить вниманіе на то, что кру-

жевиницы желаютъ скрывать свою бѣдность, то ихъ невинная ложь оказывается не больше, какъ неудачной стратегической хитростію.

Но если кружевница *можетъ* заработать ту или другую плату, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она зарабатываетъ ее въ дѣйствительности. 40 и 45-ти копѣечный заработокъ, какъ случайная рѣдкость, выходитъ изъ общаго правила; о немъ поэтому и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что излишекъ заработка, случайно набѣжавшаго счастливаго дня, уходитъ на наполненіе недовыручки дня неудачнаго. Среднимъ максимумомъ заработка кружевницы считаютъ 30 к. въ день. Но и эти 30 к. только возможность, а не дѣйствительность. Кто живетъ кружевами, тѣ прислуги имѣть не въ состояніи; самимъ имъ нужно истопить печи и приготовить кушанье, сходить на рынокъ и подмести комнаты. Много ли, мало ли уходитъ на все это времени. вопросъ другой, а время все-таки уходитъ. Хорошо, если есть въ семьѣ подростки-дѣвочки, онѣ помогутъ; если же ихъ нѣтъ, то самое мелочное домашнее дѣло должна дѣлать сама кружевница. Наконецъ кружевницѣ нужно подумать и о своемъ гардеробѣ; портнихѣ платить ей не изъ-чего, чулочницѣ тоже. Слѣдовательно, на шитье новыхъ вещей, на починку и восстановление старыхъ, на вязанье чулокъ для себя и для домашнихъ нужно опять время. Понятно, что при такомъ обиліи работы приходится рассчитывать каждую минуту, ѣсть урывками и не тратить времени на пустые праздные разговоры. Вотъ почему вы увидите, что во время чая или когда придутъ вечеромъ непрошеные гости, кружевница вяжетъ чулокъ или занимается какой-нибудь подобной, не требующей большого вниманія работой.

Этотъ вѣчный, неустанный трудъ, постоянная мысль о томъ, что нужно сдѣлать то или другое, чтобы поддержать домъ въ порядкѣ, дѣлаетъ жизнь кружевницы если и не настоящей каторгой, то и далеко не уподобляетъ ее спокойному обезпеченному положенію прекрасныхъ особъ, для которыхъ работаютъ кружевницы.

Конечно, человѣкъ привыкаетъ ко всему; рассказываютъ про одного пидѣйца, приговореннаго спать на доскѣ, утыканной гвоздями, что онъ, проспавъ на ней 18 лѣтъ, такъ привыкъ къ этому новому виду постели, что когда его простили, онъ уже самъ, до конца дней, сналъ на ней добровольно. Также можно привыкнуть и къ лишніямъ, и къ вѣчнымъ заботамъ. Но вопросъ не въ привычкѣ, а въ томъ, выгодно ли обществу, если нѣкоторые изъ его членовъ должны привыкать къ низкому уровню потребностей, должны страдать вѣчно отъ нищеты и лишеній. Подумайте, каково тѣмъ бѣднымъ семействамъ чиновниковъ, которыхъ отставка отца сшибаетъ сразу съ прежнихъ и безъ того уже скудныхъ удобствъ жизни. Изъ квартиры, хотя и тѣсной, приходится перебраться въ подвальный этажъ, уволить единственную работницу, самимъ таскать воду и дрова. А если къ этому постигнетъ кого-нибудь изъ членовъ болѣзнь, если отставной старый отецъ попиваетъ! И эту бѣду должна нести на своихъ плечахъ опять кружевница. Счастіе, если человѣкъ способенъ привыкнуть къ нищетѣ, можетъ сдружиться съ нею. Положимъ, что обществу во всемъ его объемѣ невыгодно, если въ немъ

есть люди, способные привыкать къ бѣдности; но зато имъ самимъ это легче, они менѣ несчастны; а если человѣкъ къ низкому уровню привыкнуть не въ состояніи? Онъ превращается въ вѣчнаго мученика и страдальца.

Чтобы читатель не обвинилъ меня въ сантиментальничанья, и представляю ему факты, которые помогутъ ему лучше понять положеніе кружевницъ.

Среднимъ числомъ лучшая кружевница зарабатываетъ въ день 20 к. Первая кружевница въ городѣ, которую я знаю, зарабатываетъ съ своею матерью только 10 р. въ мѣсяцъ или 120 р. въ годъ. Горничная, получающая жалованья только 5 р. въ мѣсяцъ, обезпечена лучше, ибо имѣетъ готовую квартиру и столъ. Но кружевница, по своему развитію, выше горничной, иначе она бы и не была кружевницей. Въ ней есть чувство достоинства, безъ котораго прислуга обыкновенно обходится довольно удобно. Изъ этихъ несчастныхъ 10 р. нужно истратить въ мѣсяцъ на квартиру и дрова 3 р., на чай и сахаръ $1\frac{1}{2}$ р., затѣмъ остается $5\frac{1}{2}$ р. на все остальное—на пищу и одежду. Хороша должна быть эта нища, когда фунтъ хлѣба стоитъ $2\frac{1}{2}$ к., а фунтъ говядины 5 к.! Что же остается на одежду?

Да и эти десять рублей въ мѣсяцъ достаются только потому, что кружевница изготовляетъ и продаетъ кружевные узоры. Продажа узоровъ самое выгодное въ кружевномъ дѣлѣ. Рисунокъ для обыкновеннаго аршиннаго кружева, въ вершокъ шириной, продается по 15 к., а рисунокъ воротничка или рукавчиковъ по 20 к. Профессъ изготовленія подобныхъ рисунковъ очень простъ: на бумажкѣ выводится узоръ карандашомъ, затѣмъ подъ эту бумажку подкладывается нѣсколько листовъ бумаги такой же величины и всѣ они прокалываются сразу иглой по рисунку, выведенному карандашемъ по верхней бумажкѣ.

Еслибы на рисунки существовалъ постоянный и большой запросъ, то изготовленіе ихъ было бы дѣломъ дѣйствительно выгоднымъ. Но новые рисунки являются не каждый день; въ годъ ихъ явится отъ 10 до 15 не больше. Далѣе съ составительницами рисунковъ конкурируютъ кружевницы и незанимающіяся этимъ дѣломъ. Такая кружевница, купившая новый узоръ, положимъ за 15—20 к., чтобы воротить свой расходъ, скалываетъ съ узора нѣсколько копій и продаетъ ихъ другимъ кружевницамъ за 5 до 10 к. за каждую. Эти дешевыя копіи расходятся гораздо быстрее, потому что каждая кружевница, купившая копію, дѣлаетъ съ нея новую копію, которую продаетъ съ новой уступкой еще болѣе бѣднымъ кружевницамъ или же дарить рисунокъ своей бѣдной подругѣ. Такимъ образомъ, рисунокъ дѣлается извѣстенъ всѣмъ и забирается въ каждую мастерскую. Вновь явившійся рисунокъ точно такимъ же образомъ распространяется въ безчисленномъ числѣ копій и т. д. Узоръ, забравшійся во всѣ мастерскія, уже теряетъ свою цѣну; ибо въ кружевѣ новизна рисунка цѣнится очень высоко. Талантливымъ и тутъ выгода. Вотъ примѣръ. Какая-нибудь госпожа заказываетъ кружевницѣ рукавички по новому рисунку. Кружевница за первую работу, по новому узору, беретъ съ госпожи 2 р. 20 к. за пару. Но какъ 2 р. 20 к. кажутся госпожѣ платой нѣсколько высокой, а кружевница меньше не беретъ, то для из-

готовая вторая, третьей и т. д. пары приглашается кружевница искусная, которая и берется плести по 2 р. за пару. Но этой кружевнице нужен узор. Узор этот она покупает за 20 к. у первой кружевницы. Таким образом искусная кружевница, изготавливающая первую вещь по новому рисунку, берет за нее 2 р. 20 к.; а кружевница менее искусная за такую же вещь получить всего 1 р. 80 к. Конечно расход на узор она старается вознаградить частью продаж коній, а частью онъ покрывается послѣдующими рукавичками, которыя она продаетъ по 2 р. за пару; по тѣмъ неменѣе первая пара приноситъ искусной кружевнице все-таки 2 р. 20 к.; а менее искусной только 1 р. 80 к.

Въ кружевномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть свои прогулы. Время уходитъ на пріемъ заказа, на относъ заготовленной вещи, на занятія по домашнему хозяйству. Прогулы эти такъ-сказать штатные; но есть прогулы случайные. Лѣтомъ, въ теченіе іюля и августа, работы бываетъ обыкновенно менѣе, а иногда и совсѣмъ не является заказовъ и потому, кто не запасается работой заблаговременно, долженъ просидѣть эти мѣсяцы сложа руки и жить на сбереженіе, сдѣланное зимой. Но самый тягостный и убыточный прогулъ есть внезапная болѣзнь.

Заработокъ въ 120 р.—считая въ томъ же числѣ и матеріалъ—добывается семей, въ которой двѣ искусныя работницы; но что же достанетъ кружевница неискусная? Достанетъ она то, что дастъ Богъ. Занимаясь плетеніемъ аршинныхъ кружевъ, заработать многого нельзя—конфекъ 5 до 10 въ день; слѣдовательно отъ 1½ до 3 р. въ мѣсяцъ. А какъ на эти деньги существовать рѣшительно невозможно, питаюсь даже однимъ ржанымъ хлѣбомъ, то изъ этого слѣдуетъ тотъ выводъ, что отдѣльно живущей кружевнице существовать однимъ кружевами невозможно. Вотъ почему это занятіе возможно только или въ семействахъ или ввидѣ подспорья къ другимъ источникамъ дохода, какъ, напримѣръ, въ семействахъ служащихъ чиновниковъ, дьячковъ, пономарей.

Плетеніе кружевъ, какъ подспорье, обнаруживаетъ однако вредное вліяніе на совокупность всего производства, ибо дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на цѣну кружевъ и, слѣдовательно, на размѣръ заработка. Для тѣхъ кружевницъ, какъ напр. дочери служащихъ чиновниковъ или пономаревны, которыя имѣютъ готовую квартиру и готовое содержаніе, продажа кружевъ, при нуждѣ въ деньгахъ, за безцѣнокъ, хотя можетъ быть и тяжела, но все-таки выносима; а для тѣхъ, кто живетъ кружевами спеціально, уступка ихъ за безцѣнокъ равносильна голодной смерти. Между тѣмъ постоянная пужда въ деньгахъ бѣдныхъ людей привела къ тому, что цѣна на кружева упала ниже минимума. Здѣсь продаютъ десять аршинъ кружевъ въ налецъ шириной даже за 12 к., а искусная мастерица можетъ наплести ихъ въ день не болѣе 3 аршинъ, слѣдовательно въ 16 часовъ работы добудетъ всего 3½ к. сер. Еслибы съ кружевницами-спеціалистками не конкурировали обучающіяся дѣти и тѣ, кому плетеніе кружевъ служить только подспорьемъ, подобный упадокъ цѣны былъ бы невозможенъ. Вотъ почему я говорю, что цѣна на

Кружева установилась ниже ея нормального уровня. Установленіе цѣны зависитъ не отъ тѣхъ, кто живетъ кружевами исключительно, а отъ тѣхъ, кто пользуется готовой квартирой и столомъ, а частію и тѣхъ, кто не отличается ни талантливостію, ни довольно высокимъ уровнемъ потребностей. А численный перевѣсъ на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ, на кружевной заработокъ обнаруживаютъ вліяніе не тѣ, кто стоятъ выше, а напротивъ оттягиваютъ его книзу тѣ, кто стоятъ ниже, и это оттягиваніе роняетъ уровень жизни всѣхъ кружевницъ и создаетъ для нихъ искусственную бѣдность. Понятно, что бѣдной кружевницѣ, зарабатывающей въ мѣсяцъ рубля полтора или три, невозможно жить, не припрашивая или не рассчитывая на благотворительность.

Любопытно, что этотъ печальный размѣръ заработка не имѣлъ вреднаго вліянія на честность кружевницъ. Правда, были попытки обмана, но обмана такого невиннаго, что не знаешь, удивляться ли женской честности или женской неизобрѣтательности на плутню. Такъ нѣкоторые изъ кружевницъ пробовали не доплетать до десятка одну четверть; обманъ сошелъ; потомъ пытались недоплетать половину, сошло и это; болѣе рѣшительныя пошлы дальше и дѣло кончилось тѣмъ, что у очень отважныхъ въ десяткѣ считалось всего семь аршинъ. Такое грандіозное плутовство конечно не осталось незамѣченнымъ, покупщицы стали товаръ мѣрять и тѣмъ положили конецъ плутнѣ. Мнѣ рассказывала одна кружевница съ ужасомъ о слѣдующей плутнѣ, по ея мнѣнію дотога колоссальной, что ей казалось совершенно неосуществимымъ, какъ это земля носить подобныхъ злодѣекъ. У одной кружевницы кружева вышли грязными, а можетъ быть, она ихъ и запачкала какъ нибудь печально. А такъ какъ кружева цѣнятся совершенно чистыя, бѣлыя, то, о ужась! обманщица прибѣгла къ слѣдующему позорному средству. Вооружитесь мужествомъ, читатель. Она обсыпала кружева крахмаломъ, да, крахмаломъ, и когда принесла ихъ проданать, а тамъ ихъ начали мѣрять, то отъ нихъ пошла пыль, и ужасный обманъ обнаружился. До сихъ поръ еще у кружевницъ становятся волосы дыбомъ, когда онѣ припоминаютъ этотъ позорный случай, бывшій когда-то очень давно. (Объ этомъ случаѣ кружевница рассказывала мнѣ дѣйствительно съ ужасомъ).

Другихъ случаевъ обмана неизвѣстно. И причина того очень проста. Во-первыхъ, кружевной товаръ самъ говоритъ за себя; а во-вторыхъ, большинство кружевницъ не простыя работницы, безъ всякаго образованія, а дочери чиновниковъ и лицъ духовнаго званія.

Но если въ кружевомъ дѣлѣ неизвѣстна грубая плутня, то очень обыкновенна безчестность другого рода—бѣдныя кружевницы не гнушаются запрашивать вдвое, особенно съ людей незнающихъ толку въ кружевахъ; или же прибѣгаютъ къ интригѣ, чтобы отбить одна отъ другой практику. Впрочемъ кружевницы высшаго разбора, увѣренные въ своемъ искусствѣ, держатъ себя съ достоинствомъ, къ такимъ уловкамъ не прибѣгаютъ и вообще отличаются замѣчательною честностію слова. Бываетъ иногда, что кружевни-

ца на новой вещи, новаго рисунка, продешевится въ цѣнѣ и, несмотря на то, она исполнить заказъ акуратно.

Есть еще одна невыгодная сторона кружевнаго дѣла, имѣющая весьма важное социальное значеніе. Плетеніе кружевъ не только просто механическое занятіе, но и занятіе, дѣйствующее подавляющимъ образомъ на умственные способности. При вязаньи работница можетъ заниматься разговорами, усиленного вниманія не требуется и умъ ея можетъ работать свободно. При плетеніи кружевъ это немыслимо; можно плести безъ особеннаго вниманія только старый, нѣсколько разъ выплетенный рисунокъ. А какъ старые рисунки не въ цѣнѣ и приходится плести постоянно все новое и новое, то изъ этого слѣдуетъ, что вниманіе кружевницы должно быть поглощено постоянно ея работой. Ну, а плетеніе кружевъ совсѣмъ не такая работа, вниманіе къ которой могло бы дѣйствовать благотворно на умственные способности. Изъ этого слѣдуетъ то, что мозгъ, подавляемый изо дня въ день одними и тѣми же впечатлѣніями, теряетъ способность возбуждаться впечатлѣніями высшаго порядка и утрачиваетъ свою силу. Однимъ словомъ, плетеніе кружевъ также убиваетъ умъ, какъ занятія при машинахъ, и человѣкъ становится постепенно все глуше и глуше. Этому ослабленію мозга помогаетъ еще и усталость; усталость, можетъ быть, мало замѣтная, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная. Конечно привычка къ сидѣнью съ 5 лѣтъ значительно уменьшаетъ вредное вліяніе кружевнаго ремесла. Но если обратимъ вниманіе на характеръ вологодскихъ построекъ, на отсутствіе въ подвальныхъ этажахъ форточекъ, на сырость, происходящую частію отъ низменнаго положенія подваловъ, а частію отъ застоевъ лужъ и грязи, въ г. Вологдѣ вообще изобильной, то и безъ статистическихъ данныхъ можно утверждать положительно, что шестнадцатичасовое сидѣнье въ духотѣ, спертомъ и сыромъ воздухѣ должно сильно сокращать жизнь кружевницъ. Кружевницы сами на свое дѣло не жалуются, специальныхъ болѣзней отъ него онѣ не замѣчали; знаютъ только, что какъ посидишь цѣлый день съ наклоненной внизъ головой, то сильно заболитъ шея; но я полагаю, что эта скромность не больше, какъ наивное невѣденіе.

До сихъ поръ мы говорили только о печальныхъ сторонахъ кружевнаго дѣла; но не можетъ быть, чтобы у него не было сторонъ и свѣтлыхъ. Хотя онѣ и не особенно свѣтлы, но онѣ есть, читатель.

Первая свѣтлая сторона заключается въ томъ, что кружевное занятіе приучаетъ къ труду и къ умѣнью распоряжаться съ расчетомъ своимъ временемъ. Вторая въ томъ, что женщина, превращаясь въ экономическаго производителя, достигаетъ независимости и самостоятельности; наконецъ третья свѣтлая сторона въ томъ, что женщина уже съ самой первой молодости приучается цѣнить деньги, добываемыя своимъ трудомъ, и тратить ихъ не на приники и вздоры, а на вещи существенно-полезныя, напр. башмаки, платье и въ извѣстной степени содержать себя сама.

Читатель мнѣ замѣтитъ, что всѣ эти превосходныя качества не больше, какъ слѣдствіе бѣдности, заставляющей работать не только большихъ, но и

дѣтей, потому что трудъ однихъ большихъ недостаточенъ для содержанія семьи. Но вѣдь я и не утверждаю, что они—слѣдствіе богатства. Читатель мнѣ замѣтитъ еще, что всѣ эти превосходныя качества вовсе не исключительная принадлежность одиѣхъ кружевницъ, что у всѣхъ рабочихъ сословій—земледѣльцевъ, мѣщанъ, мастеровыхъ замѣчается то же самое. Этого возраженія я не оставляю безъ отвѣта. Нѣтъ, не то же самое. У всѣхъ рабочихъ сословій основная экономически-производительная сила есть мужчина, женщина—или экономическое подспорье, какъ, напр., у земледѣльцевъ или же—хозяйка дома, какъ у большей части мѣщанъ. У кружевницъ же, напротивъ, мужчина является лицомъ подчиненнымъ и безпомощнымъ, какъ въ семействахъ отставныхъ чиновниковъ или въ семействахъ вдовъ съ малолѣтними дѣтьми-мальчиками, которыхъ нужно воспитать. Даже и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ дочери-кружевницы, пользуясь готовымъ содержаніемъ, работаютъ себѣ на одежду, ихъ экономическая независимость и самостоятельность гораздо выше. Ни крестьянку, ни жѣнщину мѣщанскаго состоянія вы не назовете представительницей женскаго труда, а кружевницу вы такъ назовете, потому что кружевничество есть, можетъ быть, единственный организованный видъ женскаго труда, дающій кружевницамъ характеръ корпораціи, превращающей ихъ какъ-бы въ особое сословіе, создающій изъ нихъ свой отдѣльный міръ. Чиновница, купчиха, помѣщица, дьячиха, мѣщанка и т. д., занявшись кружевнымъ дѣломъ, перестаетъ быть чиновницей, купчихой, помѣщицей и т. д. Она выдѣляется изъ сословія, къ которому принадлежала, и превращается въ кружевницу, и названіе кружевница вызываетъ въ нашемъ умѣ представленіе о женской экономической самостоятельности, о женскомъ трудѣ. Жаль только одно, что это отрадное представленіе отравляется досадной мыслію о неисходной бѣдности кружевницъ.

III.

Богатая петербургская барыня, покупающая въ магазинѣ кружевную косянку за 15 руб., конечно, вовсе и не подозреваетъ, что вологодская кружевница получила за нее не больше 6 руб. и работала ее 320 часовъ.

Петербургскимъ покупателямъ вологодскія кружева достаются по менѣе, какъ изъ пятихъ рукъ. Съ кружевницами случилось то же, что и со всѣми производителями, не имѣющими прямыхъ, непосредственныхъ сношеній съ потребителями. Обѣимъ сторонамъ нѣтъ выгоды, и больше 100% достается на долю кулаковъ.

Въ Вологдѣ есть двѣ главныя скупщицы и затѣмъ еще около десяти второстепенныхъ. У этихъ есть свои коммисіонерки, такъ-называемыя кубенки (крестьянки, живущія на Кубенскомъ озерѣ), у тѣхъ опять свои коммисіонерки въ Петербургѣ, которыя и разносятъ кружева или по домамъ или продаютъ ихъ въ магазины.

Насколько скупщицы способствуютъ возвышенію цѣнъ на кружева, чи-

татель увидить изъ слѣдующаго примѣра. Кружевница продать десятокъ (десять аршинъ) узкаго кружева за 15 к., окупщица перепродаетъ его кубенкѣ за 20 к., кубенка своей комиссіонеркѣ за 25 к., та въ лавку или въ магазинъ за 30 к., а изъ магазина покупатель получаетъ ихъ уже за 40 к. или дороже, слѣдовательно посредникамъ достается 20 к., т. е. цѣна кружева противъ его, первоначальной цѣны въростаеъ на 133%. Въ крупныхъ штукахъ, хорошей работы, цѣна возрастаетъ и еще болѣе.

И вологодскія кружевницы понимаютъ очень хорошо, какъ убыточны для нихъ подобный порядокъ. Каждая изъ нихъ вамъ расскажетъ, что въ Вологдѣ есть кунчиха, нажившаяся перепродажей кружевъ дотого, что когда у нея сгорѣли два дома, то она выстроила вмѣсто нихъ три, гораздо лучшихъ.

Кружевницы смотрятъ съ завистью на скупищъ, ихъ очень пѣняють барыши; каждой кружевницѣ хотѣлось бы сдѣлаться богатой. Богатство — вѣчная мечта всѣхъ бѣдняковъ. Жаль только одного, что кружевницы, какъ и всѣ бѣдняки, больше мечтають, чѣмъ думаютъ серьезно объ улучшеніи своего положенія.

Чтобы положеніе кружевницъ улучшилось, имъ нужно получать большую задѣльную плату: копѣекъ 40 или 50 въ день; а это возможно только тогда, когда исчезнетъ конкуренція тѣхъ, кого нужда заставляетъ понижать цѣну, и когда онѣ устроятъ два оптовыхъ склада—одинъ въ Вологдѣ, а другой въ Петербургѣ, и откажутся такимъ образомъ отъ услугъ кулаковъ.

При существующемъ же между кружевницами соперничествѣ и при ихъ безденежьи, подобныя мысли не больше какъ мечта. Самимъ кружевницамъ не выкрутиться безъ посторонней помощи. Нужно, чтобы явился какой-нибудь Овень; нужно, чтобы онъ устроилъ митингъ кружевницъ, да еще и не одинъ; нужно, чтобы онъ растолковалъ имъ, отчего ихъ положеніе такъ печально; нужно, чтобы онъ же устроилъ и складъ и организовалъ новый порядокъ сношеній; нужно, наконецъ, и самое главное, чтобы у него былъ для этого капиталъ, ибо безъ денегъ тутъ ничего не подѣлаешь. Найдется такой человекъ въ Вологдѣ—положеніе кружевницъ улучшится; нѣтъ—и онѣ еще долго будутъ бѣдствовать, какъ бѣдствуютъ теперь.

Ноябрь, 1867 г.